

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

деленной социальной группы, принимавшей активное участие в борьбе периода кризиса III в. Сопоставляя SNA с сочинениями Диона Кассия, Геродиана, Апулея, Филострата, с данными юридических, эпиграфических, нумизматических источников о политике императоров конца II и III вв., мы сможем составить себе более ясное представление о сущности этой борьбы и окончательно отказаться от представления о кризисе III в., как о результате беспорядочной смены на императорском престоле безумцев, авантюристов и прекрасодушных идеалистов, которых возвышали и низвергали слепой случай или преступная воля разнузданных солдат. Мы увидим, что по мере возможности эти ставленники различных социальных групп стремились проводить политику, отвечавшую интересам выдвинувших их кругов, и что намотившиеся в III в. политические программы оказали влияние и на последующие события. Муниципальные слои, потерпевшие поражение во время кризиса III в., впоследствии, правда, безуспешно, снова пытались отстаивать свои интересы, и некоторые отголоски политических и философских идей Филострата можно найти у сторонников Юлиана Отступника. Программа Диона Кассия отчасти осуществлялась в период раннего домината, и соответственная политика продолжалась затем в известной мере правителями восточной половины империи. Чаения же, отразившиеся в SNA, снова оживляются среди земельной аристократии запада, когда, отчасти достаточно окрепнув, чтобы своими силами осуществлять подавление эксплуатируемых, а отчасти приобретя новых союзников в вождях варваров, она возобновила свою борьбу с римскими императорами. Возможно, что именно тогда SNA были паново отредактированы. Но в целом они все же представляют памятник того периода, когда под влиянием развития кризиса рабовладельческого способа производства и появления зачатков феодальных отношений происходит раскол господствующего класса и между отдельными его группами начинается борьба, во многом определившая дальнейшую историю Римской империи.

А. И. Доватур

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Краткий очерк истории изучения *Scriptores Historiae Augustae* естественно начать с истории критической работы над текстом этого памятника римской историографии.

Ранние печатные издания интересующего нас сборника биографий¹ либо опираются на случайные рукописи, либо — в тех случаях, когда изданию предшествовало сличение разных рукописей, — обнаруживают у издателей отсутствие вполне ясного представления о сравнительной ценности имевшихся в их распоряжении рукописей.

На прочную почву изучение текста *Historiae Augustae*, дошедшей до нас далеко не в исправном виде, притом с рядом мелких и одним большим пробелом, становится в XVII в. Сомэз (*Salmasius*) первый в полной мере оценил значение кодекса P (*Palatinus*, ныне *Palatino-Vaticanus* 899) и положил его в основу своего издания *Scriptores Historiae Augustae* (Париж, 1620). До него Грутер использовал лишь отдельные места этой рукописи (Ганшвер, 1611). Утрата этой Палатинской рукописи повела в дальнейшем к тому, что в течение приблизительно полутора столетий, до 60-х годов XIX в., критика текста HA почти не подвинулась вперед. Прочие издания XVII в., а равно и

¹ Сюда относятся: миланская *editio princeps* Аккурсия (*Bonus Accursius*) 1475 г., первое венецианское издание 1489 г., венецианские же издания Альдо (альдины) 1516 и 1519 гг. (эмендацию текста произвел для них Эгнацио), базельские издания Эразма Роттердамского, вышедшие из типографии Фробена, 1518 и более поздних годов, парижское издание Робера Этьена (*Robertus Stephanus*) 1544 г. и некоторые др.

издания XVIII и первой половины XIX в.¹ воспроизводят без изменения текст Сомэза. Исключение составляет лишь издание Обрехта (Страсбург, 1677), который внес в текст ряд удачных исправлений.

Утраченная Палатинская рукопись была вновь найдена А. Кисслингом в Ватиканской библиотеке в 1861 г., и ею мог воспользоваться подготовлявший тогда свое издание SHA Петер. Обследовав всю совокупность имеющихся рукописей, Петер разбил их на три группы: семья П, охватывающая лучшие рукописи; семья Σ, к которой относятся рукописи с интерполяциями; семья Ψ, происходящая от какой-то рукописи семьи П, в которую были внесены поправки, сделанные на основании какой-то рукописи семьи Σ. В основу текста своих изданий² Петер положил две рукописи первой семьи — кодекс Р (о котором шла речь выше) и кодекс В (Bambergensis), отдавая при этом предпочтение второму, по его мнению, более древнему (В — IX в., Р — X—XI вв.).

Взгляды Петера на историю рукописного предания *Historiae Augustae* встретили серьезные возражения. Некоторые исследователи (Моммзен, Дессау) путем внимательного изучения Бамбергского и Палатинского кодексов установили, что первый из них представляет собой копию второго и, следовательно, не имеет права на то уважение, с каким относился к нему Петер. В настоящее время зависимость В от Р считается вполне доказанной. Палатинская рукопись, которую сейчас относят в IX в., единогласно признается лучшей.

Текстологические работы Холя (Hohl)³ по-новому осветили вопрос о рукописном предании *Scriptores*. Холю принадлежит открытие, что рукописи семьи Σ, хотя и дающие испорченную традицию, являются независимыми от Р. Они сохраняют в ряде случаев правильное чтение там, где Р и происходящие от последнего рукописи содержат искажения. Таким образом, они дают нам возможность постоянно контролировать показания Палатинского кодекса. После выхода в свет издания Холя (Лейпциг, 1927) все прежние издания можно считать антиквированными⁴. Попытки опровергнуть основной текстологический вывод Холя⁵ не увенчались успехом⁶. Более основательными оказались предъявленные Холю обвинения в непоследовательности⁷: показаниями рукописей Σ можно было воспользоваться в большей степени, чем это было им сделано⁸.

¹ Например, лейденское издание 1632 г., лейденское (Boxhorn) 1721 г., лейпцигское 1774 г., цвейбрюккенское (editio Bipontina) 1787 г., парижское (Pancoucke) 1844—1847 гг.

² Издания Петера вышли в Лейпциге: первое — в 1865 г., второе — в 1884 г. Иордан и Эйсенгардт в своем издании (Берлин, 1864) в существенных вопросах критики текста солидаризируются с Петером. Вопросы филиации рукописей Петер разбирает в предисловиях к своим изданиям и в своей диссертации: H. P e t e r, *Historia critica scriptorum Historiae Augustae*, Lipsiae, 1860.

³ E. H o h l, *Klio*, 13, 1913, 258—288, 387—483; *Philologische Wochenschrift*, 48, 1928, 1115—1118.

⁴ Что касается вышедшего в 20-х гг. нашего столетия издания Мэджи (Magie) с английским переводом, то оно не основано на самостоятельном изучении рукописей; текст Мэджи только в III томе, вышедшем после появления издания Холя, согласован с этим последним изданием.

⁵ A m a t u c c i, *Rivista di filologia*, N. S., 7, 1929—1930; S. H. B a l l o u, *The manuscript tradition of the Historia Augusta*, Leipzig — Berlin, 1914.

⁶ См. P. L e h m a n n, *Berliner Philologische Wochenschrift*, 1917, 1073—1076; A. R o n c o n i, *Studi italiani di filologia classica*, 9, 1931, 25—35; E. H o h l, *Jahrbücher über die Fortschritte d. klassischen Altertumswissenschaft*, 256, 1937, 127—156.

⁷ A. K l o t z, *Rhenisches Museum*, N. F., 78, 1929, 268—313.

⁸ Это касается главным образом орфографии некоторых слов, формы слов и т. п. Немногочисленные поправки, меняющие смысл текста, приняты во внимание в настоящем переводе.

Текст SHA, полученный филологической наукой в результате трехсотлетней (считая с 1620 г. — выхода в свет издания Сомэза) работы над ним, все еще далек от совершенства. Причинами этого являются плохое состояние текста в рукописях и наше недостаточное знакомство с латинским языком последних столетий Римской империи. Даже при пользовании новейшим изданием (а тем более переводом, сделанным по этому изданию) необходима большая осторожность. Обращение к критическому аппарату Холя избавит от опасности принять конъектуру (пусть обоснованную) за чтение, засвидетельствованное рукописями, и даст возможность в каждом отдельном случае взвесить имеющиеся в рукописях разночтения и предложенные филологами поправки.

Нельзя обойти молчанием две неудавшиеся попытки так или иначе обогатить имеющийся у нас текст *Historiae Augustae*. Первая из этих попыток была сделана в венецианском издании 1489 г.: неизвестный нам по имени гуманист, стремясь заполнить некоторые лакуны в тексте и кое-где дополнить сообщения НА новыми подробностями, сделал в пяти местах вставки (Александр, 68, 1; Максим и Бальбин в конце глав 15 и 18; Валериан, 5, 1 и 7; последние два места, ввиду путаницы в кодексах, нумеровались в старых изданиях как начало главы 1-й и глава 3-я). Вставки эти долгое время воспроизводились в изданиях SHA, несмотря на то, что часть их уже в XVII в. казалась подозрительной. Только Петер, убедившись в отсутствии их в рукописях, окончательно удалил их из текста¹. В 30-х годах нынешнего столетия было обращено внимание на то, что в книге археолога XVI в. Бартоломео Марлиани о топографии города Рима² имеются ссылки на такие места НА, каких нет в наших рукописях. Это дало повод к заключению, что Марлиани имел в руках какую-то утраченную ныне рукопись, показания которой, отразившиеся в его труде, заслуживают специального изучения. Происходившая по этому вопросу дискуссия³ и произведенная в связи с ней тщательная проверка ссылок у Марлиани показали, что его ссылки на хорошо известных нам авторов не всегда отличаются точностью. Так называемые новые отрывки из НА оказались результатом неточной цитации у Марлиани, в чем повинен, возможно, не он сам, а его предшественник и непосредственный источник Бьондо (*Flavius Blondus*, XV в.), в трудах которого мы находим ссылки на соответствующие места из НА в том же виде, в каком дает их Марлиани.

Historia Augusta выдержала в конце XV столетия пять изданий, в XVI — около двадцати, в XVII — двенадцать, в XVIII — пять, не раз переиздавалась в первой половине XIX в., три раза во второй его половине, один раз в XX в. и переводилась на русский и другие языки⁴. И все же она не принадлежит к числу тех памятников античной литературы, которые, находясь постоянно в центре внимания филологической науки, постепенно обросли разносторонними пояснениями и могут гордиться непрерывным рядом комментированных изданий. Правда, критика текста тесно связана с его комментированием, и уже в важнейших изданиях XVII в. мы находим, наряду с чисто текстологическими объяснениями, более широкую интерпретацию трудных мест (заключающую в себе *implicite* — защиту этих мест от возможных по-

¹ Ошибочно устранил он как вставку венецианского издателя шестое место — последнюю фразу 19-й главы биографии Аврелиана. Эта фраза, однако, находится в одной рукописи семьи Σ. На защиту атеированных Петером мест неожиданно встал в XX в. Е. P a t z i g, *Byzantinische Zeitschrift*, 13, 1904, 44—52. Неосновательность его доводов доказал Н. P e t e r, *Archiv für lateinische Lexicographie u. Grammatik*, 15, 1908, 23—29.

² B. M a r l i a n i, *Urbis Romae topographia*, Romae, 1543.

³ G. P a s q u a l i, *Studi italiani di filologia classica*, 10, 1932, 160—164; 12, 1935, 47—48; G. B a r b i e r i, *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*, 1933, 376—383; Ch. H u e l s e n, *Rheinisches Museum*, N. F., 83, 1934, 176—180; E. H o h l, *Jahrbücher etc.*, o. c.

⁴ Французский перевод — Moulines (1783 и 1806); немецкие — Ostertag (1790), Storch (1829), Clöss (1856), английский — Magie (начал выходить в 1922 г.); русский — Шесть писателей истории об Августе, ч. 1—2, СПб., 1775.

дозрений в порче). Кроме упомянутых выше изданий Сомэза и Грутера, следует указать еще издание Казобона (Casaubonus; Париж, 1603). Ценные для своего времени, комментарии названных ученых далеко не утратили своего значения и в наши дни¹. Отметим попутно, что в этих изданиях мы впервые встречаем, вместо перечня имен всех шести авторов *Historiae Augustae* то заглавие, под которым сборник биографий римских императоров известен в настоящее время: *Scriptores Historiae Augustae*; оно взято из биографии императора Тацита (10,3), где историк Тацит назван *scriptor historiae Augustae*.

В течение XVIII—XIX вв. вплоть до нашего времени не появилось ни одного научного комментированного издания *Scriptores Historiae Augustae*. За самыми элементарными объяснениями по поводу географических пунктов и исторических лиц, упоминаемых в биографиях, приходится обращаться к энциклопедии Паули — Виссова, «*Prosopographia Imperii Romani*» и другим справочникам. Объяснения реального и языкового порядка, интерпретация трудных мест разбросаны в довольно многочисленных книгах и статьях, посвященных SNA.

* * *

Historia Augusta рано вошла в круг источников по римской истории, «древностям», римскому праву. Ее часто цитировали, считались с ее показаниями. Вместе с тем, однако, бросавшиеся в глаза недостатки *Historiae Augustae* вызывали немало нареканий. Так, она была названа холодным и бездушным трупом (Тиллемон, XVII в.), а авторы ее — собирателями сведений от дворцовых слуг и поваров (Гиббон, XVIII в.), эпитоматорами и компиляторами (Хр. Г. Гейне, начало XIX в.). Более пристальное изучение шести авторов НА началось лишь около середины прошлого столетия. В это время появляются работы, посвященные частным вопросам языка SNA. С другой стороны, появляется интерес к источникам биографий. Обратила на себя внимание отчасти и литературная их форма. Характерной чертой большей части работ этого периода является то, что они рассматривают весь сборник как нечто единоеобразное, совсем или почти не останавливаясь на особенностях каждого автора в отдельности². Из всех написанных до выступления Дессау работ до настоящего времени сохранила значение лишь большая статья Энмана, о которой речь будет ниже.

Новый период в истории изучения *Scriptores Historiae Augustae* открывается двумя статьями Дессау (1889 и 1892 гг.)³, в которых он восстает против традиционной, основанной на показаниях самих писателей *Historiae Augustae* датировки последней, а также против традиционного же принятия на веру показаний рукописей о шести авторах, между которыми обычно распределяются биографии сборника. Как известно, в некоторых биографиях имеются обращения к императорам Диоклетиану и Константину. Руководясь этими обращениями и рядом дополнительных соображений, можно составить хронологическую таблицу, согласно которой наиболее ранние из биографий окажутся

¹ Сомэз в своем издании поместил и комментарии Казобона. Удобнее всего пользоваться сводными лейденскими изданиями 1661 и 1671 гг., особенно вторым, где комментарии Казобона, Сомэза и Грутера даются без сокращений. Из более ранних работ комментаторского характера следует отметить *dilucidationes* Марцелла Доната (XVI в.) ко всем авторам *Historiae Augustae*, переизданные Грутером (см. J. G r u t e r u s, *Lampas sive fax artium liberalium*, Francofurti, 1612, VI, 868—1101). То, что на титульных листах ранних изданий *Historiae Augustae* называется *annotationes Egnatii*, представляет собою не комментарий, а конспективное изложение содержания биографий.

² Одним из немногих исключений является работа, написанная с целью опровержения высказанного в свое время Сомэзом предположения о том, что все биографии от Адриана до Септимия Севера написаны одним лицом (Aem. B r o c k s, *De quattuor prioribus Historiae Augustae scriptoribus*, Diss., Regimonti, 1869).

³ H. D e s s a u, *Hermes*, 24, 1889, 337—392; 27, 1892, 561—605.

написанными между 284 (или 293) и 305 гг. н. э., а наиболее поздние — после 325 г., но еще при жизни Константина, т. е. до 337 года.

Дессау выдвигает против такой датировки биографий концом III — первой третью IV в. н. э. и в пользу новой датировки — концом IV в. — ряд аргументов, главные из которых следующие:

1. В биографиях настойчиво проводится мысль о происхождении императора Константина от Клавдия Готского (Галлиены, 7,1. 14,3; Клавдий, 1,1. 3,1. 9,9. 10,7. 13,2). Между тем, современные Константину источники начинают упоминать о родственной связи между этими двумя императорами лишь с 310 или 311 г., причем о характере этой связи они говорят разноречиво. Все это дает повод думать, что родство Константина с Клавдием — фикция, возникшая уже в правление Константина и имевшая целью придать блеск недавно возвысившемуся роду этого императора. С таким выводом не вяжется общепринятая датировка биографий, в которых Клавдий представлен предком Константина (написание биографий Галлиена и Клавдия обычно относят к 298—304 гг.).

2. *Historia Augusta* упоминает о вельможах Токсотии (Максимины, 27,6) и Фальтонии Пробе (Аврелиан, 40,4), имена которых нигде больше в наших источниках не встречаются. Принимая во внимание сомнительную историческую достоверность тех сообщений, в которых мы находим оба эти имени, и тот бесспорный факт, что представители фамилий Токсотиев и Фальтониев Пробов играли видную роль в Римском государстве именно в конце IV в., мы вправе усмотреть в появлении названных имен в НА желание автора, писавшего в конце IV в., польстить вельможам своего времени упоминанием об их (выдуманных им самим) предках. Таким же образом следует истолковывать и упоминание о фамилии Цейониев Альбинов (Клодий Альбин, 4. 10,6. 12,8. 13,5. — Аврелиан, 9). Предсказание о величии, ожидающем потомков Проба (Проб, 24,2), имеет в виду Секста Помпония Проба, известного нам по некоторым документальным и поэтическим источникам второй половины IV в., и его сыновей, назначенных в консулы на 395 г. императором Феодосием.

3. Некоторые исторические сообщения, находимые нами в биографиях, были естественны или возможны только в конце IV в., но, во всяком случае, не в начале его. Когда мы читаем о том, что в результате избиения жителей Византия, произведенного римскими войсками во времена Галлиена, в этом городе почти не осталось представителей старинных фамилий (Галлиены, 6,9), то в этом нельзя не видеть тенденции принизить новую столицу империи в угоду аристократии города Рима. О готско-аланском происхождении императора Максимиана, уроженца Фракии (Максимины 1,5), мог говорить писатель — современник Феодосия, при котором готы и аланы получили для поселения места на Балканском полуострове.

4. Давно было замечено близкое сходство между одним большим отрывком в биографии Септимия Севера (17,5—19,3) и одним местом из «Цезарей» Аврелия Виктора (Caesares 20,1—30), а также между некоторыми местами других биографий и *Breviarium* Евтропия (биография Марка, 16,3 сл. ∞ Евтропий, VIII, 11 сл.; биография Аврелиана, 39,6. 7 ∞ Евтропий, IX, 15). Обычное объяснение этого факта сводилось к признанию зависимости авторов от общего источника, который они в перечисленных местах дословно или почти дословно списывали. Однако подобное списывание из источников не в манере Аврелия Виктора и Евтропия: они часто пользуются одним и тем же источником, но мы нигде не видим дословных совпадений между ними; кроме того, легко можно убедиться в том, что ни тот, ни другой не повторяет дословно Светония, которым оба они пользовались для истории I в. н. э. Если так, то указанные выше совпадения могут доказывать лишь непосредственную зависимость биографий от Аврелия Виктора и Евтропия. Первый из них написал свою историю императоров в 360 г., второй — свое краткое изложение римской истории при императоре Валенте (364—378 гг.), притом не в первые годы его правления. Таким образом, мы имеем новую хронологическую опору для заключения о том, что биографии, вошедшие в НА, были написаны в последние десятилетия IV века.

5. В качестве дополнительного доказательства в пользу своей датировки НА Дессау

во второй из упомянутых выше статей ссылается на проявляемую в некоторых вопросах автором биографий неосведомленность, не допустимую для человека, писавшего в начале IV в., и гораздо более понятную у писателя конца IV в. Биография Карина не содержит известий о его сыне; она не дает рассказа об обстоятельствах смерти этого императора, известных нам из других источников. Междуцарствие, наступившее после смерти Аврелиана, не было, судя по надписям и монетам, столь продолжительным, как это представлено в биографиях Аврелиана (40,4. 41,3) и Тацита (1,2. 2,6. 3,2). Не упоминается в биографии Аврелиана о том, что в последние годы его жизни его женой была Ульпия Северина.

Биографии, составляющие сборник НА, написанные в конце IV в., принадлежат перу единого писателя. Писательская манера шести лиц, которые названы в наших рукописях авторами биографий, в существенных чертах одна и та же. Они одинаковым образом подчеркивают свое нововведение — составление особых биографий лиц, носивших звание Цезарей и не ставших Августами, а также претендентов на императорское звание, не получивших признания в Риме. Они одинаковым образом говорят о трудностях, с которыми они встретились при составлении таких биографий. Одинаковым образом отсылают они к источникам в тех случаях, когда не хотят вдаваться в подробности. Характеристики императоров подчинены везде одному и тому же шаблону. Греческие стихи всегда даются в латинском переводе. Повсюду встречаем игру слов с собственными именами. Имеется ряд общих, характерных для SHA выражений: *in litteras mittere* (в смысле *in litteras referre, litteris mandare*), *rei publicae necessarius, conflictu habito* (в смысле *commissio proelio*), *forma conspicuus* и др. Характерно и употребление не совсем обычных форм некоторых слов, например *participatus* (вместо *participatio*), *rebellio* (вместо *rebellis*). Так мог писать один человек, перу которого, очевидно, и принадлежат все биографии.

Во второй статье, считаясь со сделанными ему возражениями, Дессау, продолжая отстаивать свои основные положения, признает различие стиля в разных местах НА, но объясняет это различие характером работы автора: мы видим один стиль там, где описываются латинские источники, другой — там, где переводятся греческие источники, третий — там, где перед нами собственная работа автора.

После появления статьи Моммзена (см. ниже) стало ясно, что в аргументации Дессау не хватало одного важного пункта. Нужно было так или иначе объяснить, почему писавший в конце IV в. автор счел нужным включить в жизнеописание императора Клавдия (10,5) предсказание о том, что власть его потомков будет длиться вечно: ведь род Клавдия (фактически — род Констанция Хлора) к тому времени уже угас. Не находя подходящего объяснения, Дессау прибег к неправдоподобному предположению, будто автор биографии не задумался над тем, как воспримут читатели орაკул об отсутствии пределов во времени для власти дома Клавдия; он поместил в свое повествование стих Вергилия вместе со всеми восхвалениями Клавдия, какие он нашел в источниках времени Константина, Констанция II и Юлиана.

Самая мысль выдать свои биографии за произведения авторов конца III и начала IV в. могла, по мнению Дессау, прийти действительному автору не сразу. Чем дальше подвигался он в своей работе, тем больше трудностей встречал на своем пути: не хватало материала, сказывалась и общая неподготовленность автора к такой работе. Он начал от себя придумывать рассказы, вставляя им же самим сочиненные письма и документы. Работая таким образом, он, наконец, понял, что дальше так продолжать нельзя: его могут уличить в фальсификации. Наилучшим выходом из положения показалось ему — приписать свои биографии авторам времени Диоклетиана и Константина. В тексте появились обращения к этим императорам и фиктивные имена шести авторов, а подлинный автор, отныне свободный от ответственности за свои слова, дал полную волю своей фантазии.

В промежутке между выходом и свет первой и второй статей Дессау была опубликована работа Моммзена¹. Не признавая убедительными доводы Дессау, Моммзен в то

¹ Th. Mommsen, Hermes, 25, 1890, 302—362.

же время обратил внимание на то, что многочисленные обозначения гражданских и военных должностей, встречаемые нами в *Historia Augusta*, вполне соответствуют номенклатуре, существовавшей при Диоклетиане и Константине. Немногочисленные исключения, например, *corrector Lucaniae* (Аврелиан, 39,1; в начале IV в. в Италии был только один корректор), являются результатом позднейших вставок в текст НА. Вообще же в биографиях отсутствуют следы знакомства с установлениями времен Феодосия. Наличие, особенно в фальсифицированных документах, выдуманных терминов, вроде *praeses Galliae* (Тридцать тиранов, 3,9), *praefectus Illyrici et Galliarum* (там же, 18,5), *praeses Orientis* (Аврелиан, 13,1), *praefectus annonae Orientis* (там же), *dux Illyricani limitis et Thracici* (там же), *procurator aerarii maioris* (Диадумен, 4,1), не дает ключа к установлению хронологии НА. Что же касается совпадений с Аврелием Виктором и Евтропием, то мы имеем и здесь позднейшие интерполяции в тексте НА. Таким образом, мы можем сохранить традиционную датировку биографий, внеся в нее одну поправку: при Феодосии в разные места сборника были сделаны произвольные вставки.

Компромиссная точка зрения Моммзена нашла мало последователей. Один из главных аргументов Моммзена — отсутствие большого количества ярких анахронизмов, указывающих на конец IV в., — терлет свою силу, если мы примем во внимание, что автор времени Феодосия должен был, естественно, избегать слишком бросающихся в глаза модернизмов. Значение работы Моммзена в том, что она вместе со статьями Дессау проложила пути, по которым шли последующие исследования НА. Центральными вопросами стали вопросы о хронологии сборника и о количестве авторов, принимавших участие в его составлении. По первому вопросу ясно наметилось два направления: консервативное и критическое. Первое защищает традиционную датировку сборника, второе отрицает ее.

Защитники старой датировки¹ повторяют довод Моммзена о том, что анахронизмы, в изобилии встречающиеся в НА, ведут нас не в эпоху Феодосия, а ко временам Диоклетиана и Константина. Они подчеркивают некоторые слабые стороны аргументации Дессау и дают ряду мест, на которых он основывает свои выводы, такую интерпретацию, которая примиряет эти места с традиционной датировкой биографий. Сходство некоторых мест НА с Аврелием Виктором и Евтропием свидетельствует лишь об общем источнике, так как *Scriptores* дают в этих местах некоторые подробности, которых нет у двух других авторов. Наконец, в работах этого направления² впервые был поставлен вопрос о политической тенденции *Historiae Augustae*: она ставит себе главной целью — показать правящим императорам, наряду с дурными государями, также таких, которых они должны поставить себе за образец; отсюда высокая оценка императоров из дома Антонинов и то уважение, каким окружено в биографиях самое имя Антонинов.

Отстаивая правильность имеющихся в биографиях показаний относительно времени их возникновения, противники Дессау, разумеется, не могут разделить с ним и его критического отношения к засвидетельствованным рукописями именам авторов НА. Основательные исследования стиля, историографических приемов SHA³ показали, что между разными авторами имеется не только большое сходство, но и ряд существенных различий. Сходство между ними объясняется требованиями такого вполне сложившегося

¹ Главные из работы этого направления: A. K l e b s, *Rheinisches Museum*, N. F., 47, 1892, 1—52, 515—549; H. P e t e r, *Die Scriptores Historiae Augustae*, Leipzig, 1892; G. D e S a n c t i s, *Rivista di storia antica*, 1, 1895, 4, 90—119; G. T r o p e a, *Rivista di storia antica*, 4, 1899, 247—262; Ch. L é c r i v a i n, *Études sur l'histoire Auguste*, Paris, 1904; E. D i e h l, *Historia Augusta*, Pauly — Wissowa — Kroll, 16, 1913, 2051—2110; L. H o m o, *Revue historique*, 151—152, 1919.

² G. T r o p e a, *Sulla personalità degli Scriptores Historiae Augustae*, Messina, 1899; I d e m, *Rivista di storia antica*, 4, 1899, 233—241.

³ Кроме указанных выше работ, см. также E. W ö l f f l i n, *Sitzungsberichte d. bayerischen Akademie d. Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse*, 1891, 465—538.

литературного жанра, каким была биография, имевшая уже свои классические образцы (Светоний, Марий Максим), стилю которых подражали все *Scriptores*. Далее, все они обращались к широкой публике, а потому пользовались обыденной речью. Однако отличия одного автора от другого настолько заметны, что мы в состоянии набросать краткую литературную характеристику по крайней мере пяти из них. Вмешательство общего редактора несколько сгладило стилиевые особенности отдельных частей сборника, но мы без труда можем выделить вставки, сделанные в текст биографий этим редактором. По вопросу о том, кто из авторов НА был редактором всего сборника и в какой степени сборник в его современном виде носит на себе следы работы редактора, мнения расходятся. Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на отдельных мнениях, равно как и на попытках частично перераспределить между авторами биографий сборника. Отметим только, что чаще всего подвергается сомнению существование Вулканция Галликана, которого наши рукописи называют автором жизнеописания Авидия Кассия.

Несмотря на отдельные голоса, раздающиеся еще в пользу сохранения традиционной датировки, отрицательное отношение к последней является в настоящее время преобладающим. Список анахронизмов, несовместимых со старой датировкой, пополнен. Другие аргументы Дессау также получили подкрепление или подверглись видоизменению. Было найдено недостававшее объяснение для той высокой оценки, какая дается императору Клавдию в его жизнеописании, и для помещенных там оракулов: автор биографии шел навстречу интересам императора Грациана, человека незнатного происхождения, вступившего в брак в 375—380 гг. с Констанцией, дочерью Констанция II, предком которого считался Клавдий.

Следует, однако, сказать, что единодушные до тех пор, пока речь идет о борьбе со старыми взглядами, последователи Дессау не могут прийти к соглашению между собой относительно эпохи, к которой должно быть отнесено появление в свет НА. Одни принимают датировку, предложенную Дессау¹. Сюда относятся также авторы специальных исследований о данных историко-религиозного характера² и о сообщениях, касающихся монетного дела и денежного обращения³, имеющих в НА. Другие, читая между строк, хотят найти в биографиях намеки на людей и события более поздних эпох и отодвигают время написания биографий на самые последние годы IV в.⁴, начало V⁵ или даже VI в.⁶ Особое место занимает попытка уловить в биографиях следы влияния кодекса Феодосия (*Codex Theodosianus*) и опереться на известную нам дату издания последнего (438 г.)⁷; совпадения между кодексом и биографиями, однако, ничего не доказывают, так как свод законов фиксировал нормы, установившиеся задолго до его издания. Особняком же стоит и попытка открыть в тексте НА признаки постепенного ее создания в течение всего IV в. и завершения всей работы в начале V века⁸.

¹ C. W a c h s m u t h, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte*, Leipzig 1895, 690—693; Fr. L e o, *Die griechisch-römische Biographie*, Leipzig, 1901, 268—304; E. H o h l, *Neue Jahrbücher f. d. klassische Altertum*, 33, 1914, 698—712; I d e m, *Hermes*, 55, 1920, 296—310.

² J. M a u r i c e, *Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Comptes Rendus* (Paris), 1913, 206—216; J. G e f f c k e n, *Hermes*, 1920, 279—295.

³ K. M e n a d i e r, *Zeitschrift f. Numismatik*, 31, 1914, 1—144.

⁴ W. H a r t k e, *Klio, Beiheft*, 45 (N. F. 32), 1940.

⁵ O. S e e c k, *Jahrbücher (Fleckeisen)*, 63, 1890, 609—639; I d e m, *Rheinisches Museum*, 49, 1894, 208—224; I d e m, *ibidem*, N. F., 67, 1912, 591—608.

⁶ См. ряд статей Домашевского, напечатанных в изданиях Гейдельбергской Академии Наук, например А. в. D o m a s z e w s k i, *Sitzungsberichte d. Heidelberger Akademie d. Wissenschaften*, 1918, Abh. 3.

⁷ K. H ö n n, *Quellenuntersuchungen zu den Viten des Heliogabalus und des Severus Alexander*, Leipzig, 1911.

⁸ W. S o l t a u, *Philologus*, 74 (N. F., 28), 1917, 384—445.

В сущности, с датировкой, предложенной Дессау, серьезно конкурирует лишь датировка Бейнса¹. Последний ставит вопрос о политической направленности императорских биографий и, анализируя их, находит, что они ведут пропаганду в пользу политической и религиозной программы императора Юлиана. Реставрация Юлианом языческих культов при терпимом (на первых порах) отношении к христианам, его стремление заручиться сочувствием сената, подчеркивание кровного родства с императором Клавдием, связь с Галлией, высокое мнение о Марке Аврелии и Александре Севере — все это нашло свое отражение в биографиях, написанных для прославления Юлиана. Основная тенденция сборника особенно ясно сказывается на композиции биографии Александра Севера: под видом резкого противопоставления добродетельного Александра порочному Гелиогабалу мы имеем перед собой противопоставление Юлиана его недостойному предшественнику Констанцию II. Таким образом, *Historia Augusta* оказывается написанной в правление Юлиана (361—363). Такая датировка получает поддержку и с другой стороны: единственный неоспоримый *terminus post quem* — 360 г., когда вышла в свет книга Аврелия Виктора, которой пользовались SHA.

Надо добавить, что исследователи, отвергающие вслед за Дессау традиционную датировку HA, не всегда отвергают существование нескольких ее авторов. В литературном предприятии такого рода, где обращения к императорам старого времени должны были маскировать политическую тенденцию, могла участвовать группа писателей. Те же, кто приписывает составление всех биографий одному автору, обычно считают его галльским ритором.

Полемика, происходившая в течение пятидесяти с лишним лет и сейчас еще не совсем затихшая, сильно продвинула вперед изучение *Scriptores Historiae Augustae*. Обе спорившие стороны в поисках аргументов для защиты своих положений занимались всесторонним исследованием сборника и по ряду вопросов приходили к одинаковым результатам. Были выяснены общие черты языка и стиля авторов биографий и своеобразие каждого из них². Поставлен и разрешен вопрос о литературной форме биографий, которые в большинстве случаев оказались построенными по схемам Светония, но с большими или меньшими отступлениями от них, типичными, по-видимому, уже для биографией Мария Максима; наибольшую самостоятельность проявил в построении своих жизнеописаний Требеллий Поллион.

Много труда было положено на выяснение вопроса об источниках HA. Последние оказались довольно многочисленными и очень неоднородными. Проверка ссылок на Геродиана показала, что *Scriptores* действительно пользовались его книгой. Поэтому у нас нет оснований считать все решительно ссылки на не дошедшие до нас произведения плодом фантазии авторов HA. Марий Максим, писавший по-латыни³, и Дексипп, писавший по-гречески, известные нам и помимо упоминаний о них в HA, несомненно существовали.

С другой стороны, ряд писателей, известных нам только по имени, притом только по HA, возможно, выдуманы авторами последней. Большие споры велись по поводу Элия Корда, не раз цитируемого в биографиях, но не известного нам по другим источникам⁴.

Очень показательные результаты дало сравнение отдельных мест в биографиях с соответствующими местами некоторых сохранившихся до нашего времени авторов. Должность проконсула Киликии была упразднена при империи, и двукратное

¹ N. B a u n e s, *The Historia Augusta, its date and purpose*, Oxford, 1926; P. L a m b r e c h t s, *L'Antiquité Classique*, 3, 1934, 503—516; E. H o h l, *K l i o*, 34, 1934, 149—164.

² Изучение языка SHA облегчается наличием специального словаря к ним (C. L e s s i n g, *Scriptorum Historiae Augustae lexicon*, Lipsiae, 1901—1906).

³ О нем существует специальное исследование G. T r o p e a, *Mario Massimo*, Messina, 1899.

⁴ Положительное решение вопроса о существовании его дает G. T r o p e a, *Elio Cordo*, Messina, 1900.

упоминание о ней в биографиях Флавия Вописка (Аврелиан, 42,2; Кар, 4, 2), представляющее собой вопиющий анахронизм, является литературной реминисценцией: проконсулом Киликии, как известно, был Цицерон, о чем не раз идет речь в его письмах. Наряду с механическими заимствованиями из старинных авторов (Цицерон, Тит Ливий), мы встречаем у биографов и яркие примеры непонимания лежавших перед их глазами современных или почти современных им текстов. Мы, например, узнаем, что в торжественном шествии в день празднования десятилетия правления Галлиена несли «значки храмов и всех легионов» — *signa templorum omniumque legionum* (Галлиены, 8, 6). Вызывающие недоумение значки храмов оказываются результатом недоразумения: греческий источник, не понятый биографом, давал то, что мы читаем у Геродиана (IV, 4, 8) — *τὰ ἀγάλματα καὶ τὰ σημεῖα πάντων τῶν στρατιωπέδων*, где *ἀγάλματα* означает «изображения (войсковых) богов». Аврелий Виктор (Caesares, 20, 10) говорит о причине присвоения Септимию Северу прозвания «Пертинакс»: некоторые считают, что прозвание это он получил от других ввиду своей жесткости, но существует также мнение, что Пертинаксом назвал себя сам Септимий, стремившийся подражать бережливому образу жизни императора Пертинакса. Это вполне обоснованное противопоставление двух мнений превращается в передаче Спартиана (как бы мы ни представляли себе взаимоотношения между ним и Аврелием Виктором) в нечто совершенно невразумительное (Север, 17,6—7). Эти и подобные, вполне конкретные и точные, наблюдения показывают нам авторов НА за работой: они брали свое добротам, где находили его, и не всегда давали себе труд вникнуть в то, что они вычитывали в своих источниках.

От своих предшественников *Scriptores* могли получить вместе с достоверными сведениями и много сомнительного и прямо недоброкачественного материала, каким наполнены биографии нашего сборника, например, разного рода анекдоты, сообщения о вкусах и привычках государей, рассказы о предзнаменованиях и т. п. Не так просто решается вопрос о речах, письмах и иного рода документальном материале, в большом количестве включенном в сборник, особенно в биографии Требеллия Поллиона и Флавия Вописка. Сами авторы НА говорят о своих разысканиях в библиотеках и архивах и вообще стремятся внушить читателям мысль о подлинности приводимых ими документов. Однако подлинность этих документов уже давно была поставлена под сомнение. Даже то обстоятельство, что некоторые отчеты о заседаниях сената (Максимины, 26,1—4; Клавдий, 4,3—4) правильно воспроизводят порядок сенатских заседаний в последние века империи, известный нам по кодексу Феодосия, не спасает эти отчеты от подозрений в фальсификации, так как фальсификатор должен был ориентироваться на действительно существовавшие порядки. Во многих документах мы находим язык и стиль, характерные для самих авторов биографий. Сами документы часто лишены реального содержания. Они всегда дают автору биографии то, что ему нужно. В них упоминаются лица, существование которых нигде больше не засвидетельствовано. Наконец, иногда автор биографии выдает себя с головой: письма восточных царей персидскому царю Сапору (в начале биографии Валериана) — совершенно бесспорная подделка. Словом, детальный разбор всех мест НА, где приводятся документы (всего их свыше 150), убеждает новейших исследователей в том, что подавляющая часть этих документальных материалов сочинена самими авторами биографий; если в отдельных случаях и попадаются документальные данные, которые могут быть заимствованы у Мариа Максима (возгласы сената — Коммод, 18—19; возможно, также Александр Север, 6,11), то и здесь мы не гарантированы от искажений официального текста со стороны Мариа Максима или автора биографии. Несмотря на апокрифичность всего этого материала, в нем все же можно найти, кроме анахронизмов и грубой фальсификации, кое-какие крупинки исторической истины¹.

Наличие фальсификации в *Historia Augusta* не вызывает сомнений. Но как далеко она заходит? Все занимавшиеся вопросом об исторической достоверности сообщений шести авторов согласны между собой в том, что работа фальсификаторов не ограни-

¹ L. H o m o, *Revue historique*, 151, 1926, 161—198; 152, 1926, 1—31.

чивается созданием мнимых документов. Даже самые осторожные исследователи говорят о выдуманных авторами событиях и лицах, особенно там, где источники давали слишком скудные сведения¹. Некоторые считают единого автора НА мистификатором, забавлявшимся своими выдумками. О такой игре свидетельствуют будто бы уже самые имена фиктивных (с точки зрения этих исследователей) авторов биографий: имя «Галликан» содержит намек на Галлию, имя «Требеллий» перекликается с именем фиктивного исторического лица Требеллиана (Тридцать тиранов, 26) и т. п. От имени «Лампридий» (автор некоторых биографий) образовано имя матери Песценния Нигра — «Лампридия» (Песцений Нигер, 1,3). Имена родителей императора Максимиана — Микка и Габаба (Максимин, 1,6) — извлечены будто бы из греческого слова (варвар смешанного происхождения), которым определяет происхождение этого императора Геродиан².

Однако и общие соображения, и литературные свидетельства, и эпиграфические и нумизматические данные, помогающие нам в иных случаях открыть ошибку или подделку у *Scriptores*, в ряде других случаев подтверждают правильность их показаний. Историческая наука без всяких оговорок принимает за достоверные большое количество сообщений шести авторов. Откуда в замутненном источнике, каким является *Historia Augusta*, эта безусловно чистая струя? За несколько лет до появления статей Дессау выяснением этого вопроса занялся Эрман³. Сущность так называемой гипотезы Эрмана сводится к тому, что в распоряжении авторов НА, Аврелия Виктора и Евтропия, был общий источник, достоверная, хотя и не беспристрастная «императорская хроника», написанная в форме биографий и охватывавшая жизнеописания императоров от Нервы до Диоклетиана. Из нее черпали свои фактические сообщения все историки IV в. Взгляды Эрмана оказали большое влияние на последующие труды об источниках НА. Понятие императорской хроники иногда подвергается модификации или детализации. В этой хронике нередко предполагают сенатскую тенденцию и стремление подражать по форме биографиям Светония⁴. Своеобразным ответвлением гипотезы Эрмана является гипотеза о последнем великом историке Рима⁵. Предполагается, что автор, имени которого мы не знаем, может быть, Лоллий Урбик, упомянутый в одной из биографий (Диадумен, 9,2), закончил при Александре Севере большой исторический труд в виде серии монографий, содержавших биографии императоров; влияние этого труда заметно во всех исторических сочинениях IV в. Богатство содержания этого широко задуманного исторического труда, преимущественный интерес к внутренним делам государства, эволюции государственного строя, законодательству, юрисдикции, к событиям, происходившим в столице, к сенаторским должностям и их носителям позволяют видеть в его авторе крупного историка, выдерживающего сравнение с Тацитом. Такая характеристика дается неизвестному «последнему великому римскому историку» на основании многочисленных мест исторических произведений IV в., пред-

¹ Например, в рассказах о тридцати тиранах Н. Peter, *Abhandlungen d. philologisch-historischen Klasse d. Sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften*, 27, 1907 179—222.

² Еще дальше идет в своих поисках фальсификаций (в указанных выше статьях) Домашевский, догадки которого даже Холь, автор предположения о происхождении имен Микка и Габаба, считает фантастическими. О мистификациях говорят и авторы новейших работ—J. Straub, *Studien zur Historia Augusta*, Diss., Bern 1952 (см. рецензию Fr. Dornseiff, *Deutsche Literaturzeitung*, 1954, 3, 138—142); E. Hohl, *Über die Glaubwürdigkeit der Historia Augusta*, *Sitzungsberichte d. Deutschen Akademie d. Wissenschaften, Klasse f. Gesellschaftswissenschaften* 1952, № 2.

³ A. Ernann, *Philologus*, Supplbd., 4, 1884, 337—501.

⁴ E. Hohl, *Klio*, 11, 1911, 178—229, 284—324.

⁵ E. Kornemann, *Kaiser Hadrian und der letzte grosse Historiker von Rom*, Leipzig, 1905; O. Th. Schulz, *Das Kaiserhaus der Antonine und der letzte Historiker Roms*, Leipzig, 1907.

положительно восходящих к его утраченному историческому труду, самое существование которого нигде не засвидетельствовано¹.

На гипотезу Эмана ориентируется и значительная часть специальных исследований об отдельных биографиях, входящих в состав НА. Рассмотрение этих работ не входит в план настоящего очерка. Достаточно будет констатировать, что исследователи обычно стараются распределить содержание интересующих их биографий (за вычетом собственных фабрикаций автора биографии) между двумя источниками: анналистическим (это и есть источник Эмана, пусть по форме представляющий собой серию жизнеописаний) и биографическим. За счет первого относят все надежные фактические сообщения, на долю второго оставляют весь недостоверный материал². Ученые же, не согласные с построением Эмана, отбрасывая измышления фальсификаторов предания (под которыми они разумеют не только авторов НА, но и их недобросовестные источники), сосредоточивают свое внимание на выделении «подлинной традиции», оставляя открытым вопрос о характере источников, донесших эту традицию до *Scriptores Historiae Augustae*³.

¹ Возражения против обеих гипотез — см. G. Barbieri, *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*, 1934, 525—538.

² См., например, J. M. Heer, *Philologus*, Supplbd., 9, 1, 1901; E. Hohl, *Klio*, 11, 1911; J. Schwendemann, *Der historische Wert der Vita Marci bei den Scriptores Historiae Augustae*, Heidelberg, 1923; P. Damerau, *Klio*, Beiheft, 33 (N. F., 20), 1934.

³ См., например, J. Hasbrouck, *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus*, Heidelberg, 1921; W. Reusch, *Klio*, Beiheft, 24 (N. F. 11), 1931; R. Werner, *Klio*, 26 (N. F., 8), 1933, 283—322. Выяснению достоверности отдельных сообщений об Александре Севере посвящена русская работа — Б. В. Казанский, *Заметки к биографии Севера Александра*. ЖМНПр., 1914 март, отд. классич. филологии, 126—132.

